

Станислав

ДИЕМ

Вторжение
с Альдебарана

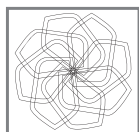
Издательство АСТ
Москва

Рассказы

РАССКАЗЫ 1947—1957

Конец света в восемь часов

Раутон из «Ивнинг стар»

Редактор «Ивнинг стар» просматривал еще влажный от типографской краски номер своей газеты. С небольшим удовольствием он прочитал вступительную статью, которую сам и произвел на свет, неплохим получился также спортивный раздел. Вот только последняя страница ему не понравилась. Снимок, изображавший собрание Клуба бывших сенаторов, выглядел как семейка раздавленных на бумаге тараканов.

— Черт побери, что за клише! — рявкнул редактор.

Но окончательно испортил ему настроение раздел «Сенсации». Была в его газете такая рубрика, в которой размещали самые интересные криминальные новости дня. На этот раз здесь была заметка на две колонки. Редактор припомнил, что Раутон давал ему эту «сенсацию» прочитать, но у него, как всегда, на это не было времени. Только сейчас он увидел эти черные печатные строчки. Он читал минуту, две, потом ударил кулаком по столу, взревел, подпрыгнул, наклонился и, прочитав еще десяток строк, всем телом навалился на внутренний телефон.

— Алло! Секретариат? — крикнул он. — Мисс Эйлин, пусть Раутон немедленно явится ко мне. Нет-нет, не говорите мне, что его там нет. Я знаю, что он целыми днями сидит у вас и заигрывает с вами, вместо того чтоб работать. Пусть немедленно явится ко мне, вам понятно?

Koniec świata o ósmej, 1947.

© Перевод В. Борисов, 2012.

Не дожидаясь ответа, он бросил трубку и вернулся к статье. Затем подбежал к окну.

— И что тут делать, черт возьми? Он меня с ума сведет!

Раздался стук в дверь.

— Слава богу, Раутон, наконец-то! Меня когда-нибудь из-за вас посадят! — рявкнул шеф.

Вошел человек среднего возраста, с лицом, напоминающим хорошо засушенную сливу. Под морщинистым лбом светилась пара маленьких холодных глаз, взгляд которых, казалось, мгновенно прилипал к каждому встреченному предмету. Их хозяин был в сером костюме, на голове была — также серая — шляпа, которая выглядела так, словно являлась частью волосяного покрова. И весь Раутон тоже был серым, только галстук пылал яркой зеленью.

— Шеф? Что случилось?

— Вы еще спрашиваете? Зачем вы в статье о краже трупа написали, что эта женщина пускала в комнату кого попало?

— Вы же сами сказали мне, что в последнее время не хватает пикантных подробностей.

— Лучше молчите, пока меня не хватил удар. А зачем вы сделали из восьмидесятилетней старушки любовницу этого убийцы?

— А кому это повредит? Его все равно повесят, а она скоро помрет, так что жаловаться на нас никто не будет.

— А то, что я председатель секции Клуба друзей Младенца Христа, вас не волнует?

— Поздравляю вас, но что я мог сделать? Вы сказали: полить все соусом и добавить маслица, — вот вам и соус с маслицем. Я еще сделал это деликатно: написал, что этот Джефферс любил ее по-настоящему.

— Довольно! Немедленно замолчите! Скажу лишь, — редактор начал ритмично шлепать ладонью по столу, подкрепляя этим свои слова, — что если вы еще раз так впускаете газету, ведь судья Джосс прекрасно разбирается в ситуации и может прислать нам опровержение, то, поверьте мне, у вас мгновенно вырастут крылья! Вылетите отсюда в течение двадцати четырех секунд. Да. Как же вы меня утомили!

Большим платком редактор принялся вытирать пот, обильно выступивший на лице.

— Ну ладно. У меня к вам есть дело.

Самый оплачиваемый репортер «Ивнинг стар» изящным пируэтом переместился в кресло. Напрасно редактор пытался убрать со стола коробку своих дорогих сигар. Делая вид, что не замечает сигар «для гостей», Раутон молниеносно схватил редакторскую «вирджинию», откусил кончик, ловко выплюнул его и щелкнул зажигалкой в форме «браунинга».

— Итак, слушайте. Даю вам шанс. Большой шанс. Мне стало известно об очень интересном деле. Оно может стать для нас золотой жилой. Сделаем вечерний выпуск, увеличим тираж, но все должно быть как следует. И без этих ваших выдумок! Вы меня слышите? — спросил он, потому что репортер, закрыв глаза, выдыхал дым с таким блаженным и безучастным выражением лица, словно сидел на прогулочной палубе собственной яхты. — Так вот, через несколько дней должна состояться конференция ученых-физиков по случаю какого-то открытия профессора Фаррагуса. Речь идет о чем-то неслыханном. Какие-то лучи смерти, торпеды или радиоуправляемые ракеты — что-то в этом роде. Точно ничего не известно, потому что конференция строго секретная. На ней будет около тридцати ученых, и только. Прессу не пустят, вы слышите?

— Слышу.

— Вы должны каким-то образом туда попасть. Только без глупых шуточек.

Он сурово посмотрел в глаза репортеру, однако тот не дрогнул.

— Во время войны я два раза вытягивал вас за уши, когда вы вляпывались в секреты атомного производства. Так что тут вы должны действовать ловко и умно.

Репортер артистически перебросил сигару языком из одного угла рта в другой.

— А если они спустят меня с лестницы?

— Тогда вы влезете в окно!

— Олл райт.

Раутон аккуратно погасил сигару, положил ее в жестяную коробку, которая специально для этого служила, и, спрятав ее в заднем кармане, протянул редактору руку. Тот попробовал ее сердечно пожать, но этот акт доброжелательности был принят весьма холодно.

— Глупая шутка, — сказал репортер. — Где деньги? Или вы думаете, что я сиамериканский брат оборванца и поеду на самокате?

Редактор тяжело вздохнул:

— Вы же еще не знаете, где это будет. Идите сюда!

Он подвел Раутона к большой карте на стене и показал обведенный красным карандашом кружок.

— Вы едете в Лос-Анджелес. В восточном районе города находится Центральная опытная станция университета, там вы должны выяснить, где и когда пройдет конференция.

— А платить кто будет? Мормоны?

После долгих поисков редактор достал засаленную чековую книжку и начал выписывать чек.

— Смелее, смелее, — поощрял его Раутон, — вы хоть имеете понятие о том, сколько стоит билет на самолет? Мне ведь не придется бежать за паровозом, чтобы сэкономить несчастные пару долларов?

Взглянув на поданный чек, он печально свистнул и почесал затылок, не снимая шляпы.

— Этого мне не хватит даже на аптеку, если меня сбросят со второго этажа, — заметил он. — Ну хорошо: скажем, что это на дорогу. А теперь дайте мне гонорар.

Редактор Салливан, казалось, был поражен этой неслыханной наглостью.

— Какой гонорар? За что? Откуда я знаю, не придется ли мне вытаскивать вас из какой-нибудь заварушки с полицией? Газета разоряется, вы пишете какие-то бредни...

— Я должен убивать богатых миллионеров, чтобы был материал? — холодно спросил репортер. — Если ничего не происходит...

— Именно происходит. Вам выпадает замечательный шанс! — Салливан постучал пальцем по карте. — Сделайте из этого сенсацию, и вы получите... Вы получите...

— Пять кусков, — подсказал репортер.

Его шеф поперхнулся. Не обращая на это внимания, мило улыбающийся Раутон взялся за дверную ручку.

— Впрочем, — добавил он как бы после глубокого раздумья, — «Чикаго таймс» дала бы мне еще больше...

И, окончательно размозжив редактора этими страшными словами, осторожно закрыл за собой дверь.

На третий день утром редактор Салливан, просматривая почту, увидел депешу, подписанную буквой Р, и поспешно разорвал конверт.

«Приехал темно болото дождь большие расходы пришлите денег», — сообщал с помощью электрических сигналов даровитый репортер.

Салливан поднял трубку внутреннего телефона.

— Алло! Мисс Эйлин, отправьте телеграмму: «Раутон, Лос-Анджелес, 15-я авеню, 1, кв. 5. Как себя чувствует тетка зачем деньги Салливан». Записали? Так. Отправьте молнией.

Редактор заехал в редакцию еще раз после обеда: его уже ждал серый бланк депеши. Конечно, снова Раутон! Как оказалось, секретарша, которая питала к репортеру слабость, отправила телеграмму с оплаченным ответом. Ответ состоял из десяти слов и звучал так: «Тетка угасает деньги деньги деньги деньги деньги деньги необходимы Раутон».

Редактор застонал, хватаясь за сердце, рядом с которым лежала чековая книжка.

Первый удар

Раутон, поселившись в маленькой гостинице, начал кружить окрест научного центра, как лис. Переодевшись в «нерепортерский» костюм (был у него такой специальный), заводил разговоры со студентами, а приколотая к лацкану орденская планка, что было явным злоупотреблением, потому что в армии он никогда не служил, помогала ему налаживать добрые отношения со старыми швейцарами.

Следует признать, что репортер весьма пренебрежительно относился к клану людей науки.

— Эти рассеянные бедолаги просто должны вывесить где-нибудь объявление: «Тайное заседание состоится там-то и тогда-то».

Как раз начинался учебный год, и студенты широкой волной заполняли комплекс старых кирпичных зданий, окруженных

буйной зеленью. Особое внимание репортер уделил зданию физического факультета. Он решил изучить все объявления, вывешенные там на стенах; это было непросто, потому что в основном он вынужден был читать о поисках жилья молодыми одинокими студентами и о потерянных на лекциях авторучках. Он добыл расписание лекций и даже — вы не поверите — собрался записаться на обучение на математическом факультете. Прошло уже три дня, а он все еще не взял след. Потный и злой, но все равно не отчаивающийся, поздним вечером он слонялся перед университетом, когда в его голове метеором вспыхнула прекрасная мысль.

«На время конференции могут быть отменены лекции, — подумал он. — Ведь профессора не смогут быть одновременно и там и там, на лекциях и на заседаниях!»

Конечно, заседание могло быть назначено на поздний вечер или на воскресенье, но шанс упускать не стоило. Он вбежал в здание и еще раз, с новой точки зрения, изучил список лекций.

Ему стало веселей: со вторника по пятницу лекции проходили по утрам и по вечерам. Если конференция состоится в один из этих дней, удастся вычислить время.

Салливан бешено бомбардировал его телеграммами, на которые Раутон отвечал сонно и флегматично, не обращая внимания на то, что шеф был близок к апоплексическому удару. На стенде в холле обнаружилось маленькое объявление.

Преподаватель курса теоретической физики профессор Фаррагус уведомлял своих слушателей, что пятничные лекции и семинары отменяются. Они будут перенесены на субботу.

«Или это конференция, или я ни на что не способен, — подумал Раутон. — Но все-таки нужно проверить...»

Он кометой облетел все здание: объявления с подобным содержанием нашлись почти всюду. «Профессора, то есть люди науки, наделены разумом сверх человеческой меры...» — размышлял он, возвращаясь в свое пристанище, роль которого исполняла теперь темная маленькая гостиница. Ночью он мог разработать план кампании, потому что огромное количество клопов, которые находились в мебели, великодушно лишали его сна. Неустанно почесываясь, он бурчал себе под нос:

— Два математика, семь физиков и один химик. Кроме того, какие-то спецы приедут из других городов. Теперь подумаем, как же их атаковать...

Сначала у него было серьезное намерение явить себя почтенному собранию в образе седого лауреата Нобелевской премии, с ухоженной белой бородой, в золотых очках, но это была скорее глупая идея, по его собственному определению. Клопы интенсивно помогали ему думать: он даже глаз не мог сомкнуть, — и поэтому, может быть, в три часа ночи выскочил из постели, чтобы трехкратным воплем констатировать: план битвы составлен.

Оставалось лишь дать сам бой, но это представлялось Раутону уже сущим пустяком. Он уже знал более-менее привычки любых профессоров. Знал, что самый старший из них именно профессор Фаррагус, объявление которого он прочел первым. Профессор, старый холостяк, жил вместе со своим слугой, тоже преклонного возраста, в маленьком розовом домике под большими каштанами, который располагался примерно в километре от здания физического факультета.

Раутон появился в окрестностях этого домика в шесть утра, в «антирепортерском» наряде, с портфелем, в котором были собраны самые необычные предметы. Не подлежит ни малейшему сомнению, что если бы кто-нибудь нашел этот портфель и обозрел его содержимое, то счел бы его хозяина явным психопатом. Там в полном беспорядке размещались рядом: томик стихов Лонгфелло, справочник «Как разводить кур», мешочек мексиканского табака для жевания, страховой полис, удостоверение сотрудника водопроводной фабрики в Милуоки, три карты, кусочек мела, платок, деревянное яйцо и механическая канарейка, которая, если ее завести, весьма искусно клевала хлебные крошки и весело пела. С таким запасом Раутон прибыл на место и невооруженным, но очень быстрым взглядом убедился, что шторы в домике профессора еще опущены, после чего притаился в зарослях кустарника и принялся грызть яблоки, которые собрал по дороге с веток, неосторожно выступавших из-за заборов. Он всегда это делал, опасаясь, как бы ценные деревья не поломались из-за обилия плодов.

Он уже закончил здоровый завтрак, когда показался профессор, направлявшийся к зданию физического факультета, как обычно, в семь тридцать. Это был старец, а не старичок: весьма высокий и худой, очень сутулый, с широким синеватым лицом и обвисшей на подбородке кожей. Профессор продефилировал мимо, не заметив спрятавшегося у дороги репортера. Когда он исчез из поля зрения, Раутон потер руки, плюнул на них, пригладил волосы и отправился на поле битвы.

«Сражаться» ему предстояло всего лишь со старым слугой. Этот, как казалось, добродушный старичок с большими седыми бакенбардами, словно клубы белейшей ваты роскошно украшавшими его щеки, медленно прохаживался в небольшом садике у дома и поливал цветы.

Раутон, у которого уже сложилось в голове начало разговора, яростно постучал по калитке, словно крейсер под парами.

— Добрый день, — сказал он, склоняясь через забор.

Он был похож на серого худого кота, который ластится.

— Добрый день.

Голубые глаза старого слуги с удивлением смотрели на чужака.

— Господин профессор? — спросил Раутон.

— Нет, он пошел на лекцию. Он всегда в это время читает лекции.

— Так я имею честь говорить с его братом?

Слуга проглотил наживку. Раутон видел, что старичок доволен.

— Нет... я веду домашнее хозяйство господина профессора. А что вас интересует?

Раутон уже знал, что старый слуга до прошлого года работал лаборантом на кафедре физики, но из-за преклонного возраста уже не мог переносить тяжелые аппараты и помогать при демонстрации опытов. Профессор Фаррагус, который двадцать семь лет читал лекции в городском университете, взял его к себе, после большого скандала выгнав свою экономку.

«Профессор — холерик, — подумал Раутон, — а этот старичок — мазь для заживления ран».

— Это дело государственной важности, — ответил репортер. И добавил: — Я из Федерального бюро расследований, откомандирован Департаментом науки из Нью-Йорка.

Слуга поспешил предложить высокому гостю войти. Через минуту, сидя в маленькой уютной беседке среди цветов, Раутон, как и пристало настоящему демократу, не погнушался разговором со слугой. По всей видимости, общение со старым лаборантом ничуть не унижало достоинства посланника правительства.

— Я, собственно, по вопросу того мероприятия, которое состоится завтра, — сказал Раутон. — Не знаю, в курсе ли вы, — осторожно добавил он, изображая опасение, что проболтался.

Старый лаборант погладил бакенбарды.

— В курсе, не беспокойтесь. Я знаю обо всем. У господина профессора нет от меня никаких секретов. Мы живем вместе семнадцать лет, — добавил он конфиденциально.

Это «живем вместе» очень понравилось репортеру.

— Прекрасно. И вы знаете, где состоится заседание?

— А как же.

Репортер изобразил недоверие.

— И об этом вам сказал профессор? Боже мой, ведь это практически государственная тайна. Разве вы можете ориентироваться в таких сложных вопросах? — спросил он. — Хотя, наверное, если вы ведете хозяйство такого знаменитого ученого, как Фаррагус...

Слуга еще нежнее погладил седые бакенбарды.

— Ну да, наверное, знаю кое-что. При покойном господине ректоре Хоувери, который преподавал математику, я был младшим, потом, когда пришел доцент Тарлтон, я был уже при кафедре, а через девять лет приехал мой профессор — он поначалу был ассистентом. Всегда был такой нервный. Очень способный, так быстро защитил диссертацию, а как читал лекции! Когда рассказывал о множествах или операциях с матрицами, приходили студенты даже с других курсов. А когда мы демонстрировали опыты, таких вообще никогда не было.

— Ну да... — сказал репортер, с трудом воспринимая не всегда понятные слова.

— А это изобретение профессора, а? — сказал он.

Рыбка клюнула.

— Это великое, просто великое открытие...

— Что, вы знаете и о изобретении? Нет, я не могу в это поверить? Ведь это очень сложная проблема!